

ОСНОВАНИЯ НАДЗОРНОГО ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ: ПРАВОВАЯ КОЛЛИЗИЯ

Чичурина О.А., кандидат юридических наук, доцент,
Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина

Право обжалования судебных постановлений провозглашено конституционным правом юридически заинтересованных участников процесса (ст. 115 Конституции Республики Беларусь). Это право реализуется посредством различных видов пересмотра (в основном апелляционного, кассационного, надзорного).

Надзорный пересмотр судебных постановлений, возбуждаемый по протестам высших должностных лиц суда и прокуратуры, является последней возможностью исправления допущенных судебных ошибок и, как следствие, защиты прав и законных интересов участников судопроизводства, не удовлетворенных результатом рассмотрения дела. Такое положение существует и в гражданском, и в хозяйственном процессе. Разница заключается в том, что в хозяйственном судопроизводстве надзорному пересмотру предшествует возможность апелляции и кассационного обжалования (опротестования), в то время как в гражданском процессе возможности в части проверки законности и обоснованности судебных постановлений значительно более ограничены. С одной стороны, кассация обладает явным достоинством в силу того, что поданная жалоба сама по себе порождает обязанность проверки обжалуемого постановления в целом (в том числе в необжалованной части). Однако нужно учитывать и иной аспект. В абсолютном большинстве случаев пересматривающей инстанцией является областной (Минский городской) суд, что обуславливает на практике некоторую предварительную согласованность позиций судов первой и кассационной инстанций, вытекающую из функции оказания помощи в применении законодательства вышестоящими судами (ст. 36 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей).

Основания к принесению протеста в порядке надзора в гражданском судопроизводстве определяются ч. 3 ст. 437 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК): существенные нарушения норм материального и процессуального права. Буквальное толкование данной нормы приводит к выводу о том, что необоснованность судебного постановления не является основанием к принесению протеста в порядке надзора. Подобную позицию занимают, по крайней мере, некоторые авторитетные судьи [1, с. 9]. В то же время она не представляется бесспорной.

Ст. 448 ГПК среди оснований к отмене судебных постановлений в порядке надзора называет их необоснованность или существенные нарушения норм материального или процессуального права. В связи с этим возникает вопрос: как, не будучи основанием принесения надзорного протеста, необоснованность судебного постановления является основанием к отмене постановления в порядке надзора? В рамках буквального толкования ГПК ответ может быть единственным: поскольку суд надзорной инстанции не связан доводами протеста и обязан проверить

дело в полном объеме (ст. 445 ч. 3 ГПК), он вправе выйти за пределы доводов надзорного протеста. Однако такое объяснение выглядит искусственно.

Обратимся к постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 7 «О практике рассмотрения гражданских дел в порядке судебного надзора». Пункт 2 указанного постановления гласит: «...Поскольку пересмотр в порядке надзора является исключительным порядком проверки законности и обоснованности судебных постановлений, не могут приноситься протесты на судебные постановления лишь по формальным основаниям». И далее в п. 16: «Должностное лицо, наделенное правом принесения протеста, может истребовать дело для проверки при наличии в жалобе заслуживающих внимания доводов о существенных нарушениях материального, процессуального законодательства, а также о необоснованности судебных постановлений». Таков результат легального нормативного толкования ГПК.

Интересная интерпретация обозначенной проблемы, совмещающая идеи, заложенные в ст.ст. 437 и 448, предлагается в научно-практическом комментарии к ГПК [2, с. 624]. Однако и в данном случае толкователь склоняется к тому, что нарушения материального или процессуального характера являются основанием к принесению протеста в порядке надзора, если они повлекли вынесение незаконного или необоснованного решения.

Полагаем, что в нынешних условиях недопустимо ограничивать возможности надзорного опротестования в гражданском процессе буквальным толкованием ст. 437 ГПК. Подобное положение, реализованное в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (ст. 314), оправдано существованием апелляции, являющейся основной стадией пересмотра в хозяйственных судах. В гражданском же процессе свести мотивы принесения надзорного протеста исключительно к незаконности судебного постановления — значит фактически лишить проигравшую сторону последней возможности отстоять свою позицию, поскольку «в чистом виде» незаконные решения встречаются весьма редко. Представляется также, что ряд факторов, обуславливающих необоснованность решения (ст. 402 ГПК), одновременно свидетельствует о неправильном применении материально-правовых норм (неучтение всех фактов, входящих в предмет доказывания; несоответствие выводов суда установленным фактам).

Ограничивать до предела возможности надзорного опротестования в гражданском процессе нельзя еще и потому, что в настоящее время имеется целый массив разнообразных по характеру и субъектному составу дел, исключительно подведомственных и подсудных Верховному Суду (дела в сфере интеллектуальной собственности), кассационный пересмотр по которым вообще невозможен.

Полагаем, что обозначенная выше коллизия, относящаяся к весьма значимому аспекту процессуальной деятельности, во избежание двоякого толкования должна быть нормативно разрешена путем изменения редакции ч. 3 ст. 437 ГПК: «Основаниями к принесению протеста в порядке надзора являются существенные нарушения норм материального и процессуального права, а также необоснованность судебного постановления, повлекшие неправильное разрешение дела».

Литература:

1. Сучок, Т. О совершенствовании правосудия и использовании преимуществ научно-технического прогресса / Т. Сучок // Судовы весшк. — 2010. — № 1. — С. 9—10.
2. Научно-практический комментарий к ГПК Республики Беларусь / Т.А. Белова, И.Н. Колядко, И.А. Мирониченко. — Минск, 2005.

СОГЛАШЕНИЕ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОДСУДНОСТИ И ПРОБЛЕМА ЕГО ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СУДЕБНО-АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКЕ

Шукин А.И., ВАС РФ

Соглашение о международной подсудности можно определить как договоренность, посредством которой стороны отнесли конкретный спор, подсудный местному суду, к компетенции иностранного суда или договорились о рассмотрении местным судом спора, не относящегося к его компетенции. Соглашения, устанавливающие такую договорную подсудность, называются пророгационными. Исключение спора из компетенции местного суда именуется дерогацией.

Учитывая значение соглашения о международной подсудности в международном обороте, в заключаемых государствами договорах и конвенциях содержатся положения о таких соглашениях.

Для арбитражных (хозяйственных) судов стран СНГ большое значение имеет Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. (далее — Киевское соглашение), в котором предусмотрено: компетентные суды государств — участников СНГ рассматривают дела в случаях, если об этом имеется письменное соглашение сторон о передаче спора этому суду (п. 2 ст. 4) [1, с. 53—57].

При рассмотрении дел суды часто сталкиваются с вопросом, касающимся определения международной подсудности споров, возникающих между сторонами, заключившими соглашение.

Желание сторон охватить по возможности как можно больше споров в заключаемом между ними соглашении о международной подсудности вполне понятно. Однако формулировка, что все споры между сторонами подлежат разрешению в суде вне зависимости от правоотношения, из которого они вытекают, приведет лишь к тому, что такое соглашение не возымеет должного действия. Основанием будет служить то, что споры, которые стороны желают передать на рассмотрение суда, должны быть связанными с каким-либо конкретным правоотношением. Поэтому стороны могут договориться об изменении подсудности конкретного спора или споров из определенных правоотношений, недопустимы соглашения, в силу которых стороны относят к компетенции суда все возможные в отношениях между ними споры.

Другой аспект требования определенности соглашения о международной подсудности касается обозначения судебного органа.

На практике стороны обычно предусматривают разрешение возникающих между ними споров в конкретном суде того или иного государства. Однако зачастую